УДК 340 (576.61)
DOI: 10.17223/22220836/28/2

Е.В. Головнева

«ЧУВСТВО МЕСТА» В СИБИРИ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

В статье в философско-культурологическом ракурсе рассматривается формирование и функционирование эмоционального компонента в структуре сибирской региональной идентичности. Автор приходит к выводу, что эмоциональная привязанность к Сибири имеет как положительные, так и отрицательные коннотации, конструируется как личным опытом освоения пространства Сибири, так и созданными извне идеями, мифологическими, художественными, религиозными образами. Ключевые слова: эмоции, сибирская идентичность, «чувство места», конструирование, Сибирь.

В научной литературе изучение сибирской идентичности в ее эмоциональной размерности, как правило, ограничивается рамками исследования сибирского характера, в котором действительно формируется значительный объем суждений и представлений о поведенческих особенностях сибиряков [1]. В частности, можно говорить о неких особых качествах сибиряков и чертах характера, обусловленных проживанием в условиях сурового климата. Вместе с тем сибирский характер как конструкт дает представления о том, что собой представляют поведенческие реакции жителей Сибири, но он не дает ответа на вопрос, из чего формируется и как складывается эмоциональное восприятие своего региона. Любое описание сибирского характера испытывает массу ограничений (это и необходимость учитывать стереотипность такой конструкции, ее условность по отношению к многочисленным региональным субъектам, противоречивость высказываемых оценок и т.п.), в силу чего его функциональные рамки часто оказываются недостаточными для отображения всей гаммы проявлений эмоциональной составляющей сибирской региональной идентичности.

Именно этим объясняется интерес к гуманитарной географии в современных культурологических исследованиях в целом и ее регионалистской составляющей в частности. В гуманитарной географии ставятся вопросы эмоциональной привязанности людей к территории, являющейся объективной предпосылкой развития местного патриотизма, привязанности территориально сплоченных групп к своей «малой родине», стремления так или иначе ее «обустраивать». При таком подходе региональная идентичность, помимо когнитивных образов территории, ее восприятия через рациональные построения, предполагает также эмоциональную, аффективную привя-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-33-01038/16.

занность к «месту», то, что в западных научных исследованиях часто обозначается как *place attachment* [2].

В современной российской литературе роль *place attachment* для изучения региональной идентичности, к сожалению, недооценивается и эмоциональное восприятие своей территории не рассматривается в качестве важнейшего способа конструирования региональной образности. Однако очевидно, что эмоциональные образы территории, по сравнению с политическими и научными ее конструкциями, оказываются более действенным и эффективным инструментом формирования личных впечатлений географического образа территории [3]. Исследование эмоционального компонента, помимо прочего, создает операционный механизм для раскрытия природы региональной идентичности, позволяет рассчитать потенциальные траектории ее развития.

Представляется, что функционирование эмоционального компонента в региональной идентичности оказывается тесно связанным с мифологическим, религиозным и художественным дискурсом о культурном ландшафте Сибири. В эмоциональном восприятии своей территории воспроизводится целый блок ощущений, связанных с противопоставлением и оцениванием «мы – они», восприятием мест региона как позитивных и негативных, «мистических», эстетическим удовольствием от места проживания, переживанием связи со своей территорией через травму, чувство вины, ностальгии и т.п.

Связь с территорией в эмоциональном плане имеет двойственный характер: с одной стороны, она может проявляться в форме присвоения пространства (это моя территория, мой регион, мой город), с другой – в форме идентификации (я – отсюда). Различный характер эмоциональной привязанности к региону свидетельствует о том, что это не единичный перцептивный акт, а когнитивная конструкция, отражающая различные типы опыта.

Первый тип такого отношения, на наш взгляд, можно выразить через понятие «чувство места» (*place sense*), активно использующееся в современных зарубежных исследованиях локальной и региональной идентичности [4]. В терминах А. Мартин, чувство места является одновременно компонентой идентичности и территории и живым и материализованным ощущением качества места [5. Р. 89]. Французские исследователи Ф. Чартон-Вачет и С. Ломбарт определяют «чувство места» как переживание локальности в разных измерениях: физическом (природный ландшафт, климат, физические аспекты места), социальном (социальные связи, родственные отношения и т.п.), культурном (история места, его архитектурное наследие, традиции, праздники, кухня и т.п.) [6. Р. 52]. «Чувство места» включает доверие жителей к месту их проживания, их отношение к местным социальным и политическим вопросам, их чувства к другим местам. Чувство места может быть компонентом как индивидуальной, так и групповой идентичности. Оно оказывает влияние на развитие ресурсов, принятие экономических решений, развитие туризма, национальные и политические отношения, способствует выстраиванию ответственного взаимодействия с окружающей средой [7. Р. 123].

Упоминание «чувства места» указывает на целую область человеческой жизни за пределами сознания; сознание в конечном счете лишь один из видов ментальных процессов. Эти процессы состоят и из ощущений, рефлексов

и автоматизмов, формирующих «бессознательное» региональной идентичности, и объясняют большую часть региональной жизнедеятельности. В современных исследованиях по региональной идентичности Дорин Мэсси [8] ставит интересные и сложные вопросы переосмысления нашего чувства места в контексте глобализации: каково чувство места, которое было бы адекватно сегодняшней эре пространственно-временного давления, кто и каким образом переживает это чувство места, получаем ли мы выгоду или страдания от чувства места? Эти вопросы интересно рассмотреть в отношении к сибирской идентичности.

Прежде всего, различные нарративы о Сибири демонстрируют, что эмоциональная привязанность сибиряков к своей территории зачастую формировалась через личный опыт познания Сибири, деятельность, с ней связанную, и сопутствующий им опыт личностной трансформации человека. Воспринимаемое пространство Сибири оказывалось, по терминологии антрополога Т. Ингольда, *taskscape* – пространством связанных видов деятельности [9]. Территория Сибири постепенно обживалась и наполнялась множеством разнообразных значений и локальных традиций, формировались практики и жизненные стили, которые обусловили эмоциональную привязанность к Сибири как «своей» территории. Преодоление трудностей, общее дело, адаптация к суровым условиям в этом контексте выглядят как конструктивный элемент в формировании сибирской идентичности, являются предметом гордости отдельных семей [10. Р. 88]. В нарративах, образующих дискурс *place dependence* [11], это часто выражается фразами «Сибирь тянет», «Сибирь не отпускает», которые можно услышать как от самих сибиряков, так и от тех, кто переехал из Сибири в другие регионы.

Второй тип эмоционального отношения к Сибири может быть описан в терминах освоения сибирской территории как ресурса. В современности люди становятся «мигрантами идентичности», где домом является перемещение. Такая идентичность может рассматриваться как кратковременная рефлексия о том, где субъект находится в данный момент, как быстротечный момент его биографии. В этом контексте Сибирь воспринимается как место краткосрочного пребывания с личными практическими целями, а «сибирскость» – как разновидность социальной мобильности. Новое место проживания рассматривается как «периферия», не имеющая постоянного контакта с целым, изолированная от него, а потому зачастую выглядящая неполноценной. Одновременно это пространство мыслится как место относительной свободы и риска, где можно извлечь прибыль. Эта позиция характерна для «освоителей-временщиков», людей, приезжающих в Сибирь временно, на работу по контракту или работающих вахтовым методом. Мигрант или федеральный чиновник не ощущает, что новое место – это место для него, в его глазах территория Сибири часто выглядит как «производственная площадка». В этом случае следует говорить о присутствии в сибирской идентичности идеи эмоционального отчуждения (*alienation*) от территории.

Как правило, привязанность к собственной территории существует на бессознательном уровне [12. Р. 273]. Здесь мы следуем логике П. Бурдьё: процесс конструирования доминирующей идентичности происходит по большей части неосознанно, когда участники группы усваивают те принци-

пы идентификации, которые и производят их идентичности. Усиление place attachment происходит под влиянием иной среды, в которой оказываются сибиряки. В этом случае нарративы, которые предлагаются сибиряками в качестве доказательства своих чувств к Сибири, обычно содержат в себе эмоционально окрашенные словосочетания «вот у нас в Сибири» или «мы сибиряки». Другой способ актуализации чувства места – включенность индивида в социально-экономические процессы, протекающие на территории, выполнение им определенных общественно-значимых функций, стремление защитить свое пространство.

Включенность в региональное сообщество рождает чувство общего опыта, сходных образцов деятельности и похожести между членами коллектива. Вербальный и невербальный обмен опытом рождает чувство «мы» и, следовательно, коллективную идентичность [13. Р. 11]. В деятельности, как правило, происходит и соотнесение своих личных качеств и черт характера с характером места, нахождение соответствия между ними, что выражается, в частности, в таком суждении, как «Сибирь близка мне по духу». Как отмечают А. Анисимова и О. Ечевская применительно к сибирской идентичности, «в ходе деятельности в публичной сфере жизни индивид обретает особое, небезразличное отношение к территории, на которой он живет и трудится, и как результат этого – особый способ категоризации внешней действительности, который и лежит в основе идентичности» [14. С. 50].

Как формируется и какими смыслами наполнено «чувство места» в отношении к Сибири у современных ее жителей и внешних наблюдателей?

Прежде всего, следует отметить, что эмоциональная привязанность к месту, как правило, формируется через оппозиции, выражающие отношение одного сообщества к другим сообществам. Через конструирование границ сообщества утверждается особость и альтернативность внутреннего мира группы. На современном этапе следствием регионального эмоционального разделения «своих» и «чужих» является в первую очередь тенденция к дискурсивному исключению мигрантов и «временщиков» из различных сфер общества. Сибиряками болезненно воспринимаются разреженность властного пространства в регионе, потеря городами их символического статуса, приватизация сибирской части «советского трофея», состоящего в основном из предприятий ВПК, массовый переход сибирских предприятий в руки столичных собственников, перенос налогового резидентства предприятий и сокращение налоговых поступлений в местные бюджеты. Многие отечественные и зарубежные авторы отмечают, что переживания сибиряков за свою территорию, имеющие экономический подтекст, обостряют в сибирской идентичности сепаратистские чувства и настроения. Тема потерянного и несправедливо отнятого статуса в сознании современных сибиряков характеризуется эмоциональной окрашенностью и нагруженностью фактами. Так, по мнению британских географов М. Брэдшоу и Дж. Прендерграст, сибирская идентичность «может приобрести открытое политическое выражение, если население и элиты двинутся на Запад, а центр не сможет предложить решение социально-экономических проблем Сибири, предлагая извлекать прибыль из ее ресурсов» (цит. по: [15. С. 133]). В целом современная ситуация в Сибири характеризуется тем, что *чувство регио-*

нальной социально-экономической ущемленности, как и в прошлом, способствует выстраиванию иной, конкурирующей с «большой русской нацией» сибирской идентичности.

Современные зарубежные исследования в сфере «чувства места» рассматривают данный феномен не столько как «индивидуальное, ментальное и аполитичное» [16. Р. 31] явление, сколько как коллективно разделяемое, осознанное и идеологически нагруженное. По словам Л. Манцо, хотя опыт переживания пространства индивидуален, он все-таки является продуктом политической, экономической и социальной реальности [17]. Мы смотрим на определенную территорию отстраненно, используя в качестве инструмента для размышлений такие технологии, как карты, зарисовки, художественные и научные тексты, фотографии и фильмы. Теоретически нагруженный эмоциональный опыт восприятия Сибири, помимо прочего, предопределяет деление в общественном сознании мест в сибирском регионе на позитивные (желаемые для достижения) и негативные (сопровождающиеся избеганием и нарративами страха).

Учитывая то, что тема природы остается ведущей в нарративах сибиряков, рискнем предположить, что в сибирской идентичности эмоциональная привязанность к месту формируется и выражается, прежде всего, через любовь сибиряков к сибирской природе. В общественном сознании Сибирь часто воспринимается как место спонтанного (природного) роста здоровых (природных) сил. Сибиряки испытывают *чувство гордости* по отношению к природным объектам, расположенным на территории Сибири, наиболее желаемыми для посещения в регионе являются «природные» места, природные достопримечательности служат основными компонентами виртуального образа Сибири.

Вклад в формирование *place attachment* в Сибири, помимо, разумеется, индивидуальных ощущений и личных впечатлений, внесло художественное описание природы Сибири. Для внешнего наблюдателя (с ограниченным эмпирическим опытом знакомства с сибирской культурой и природой) художественные средства зачастую единственный источник информации о регионе, они же позволяют получить представление о том, насколько у местных жителей развито чувство места. Без художественного творчества и его освоения массовым сознанием практически невозможно конструирование гносеологических образов Сибири, имеющих эмоциональную составляющую, поскольку эмоции транслируются в первую очередь художественными средствами. Художественный дискурс, помимо прочего, являлся той конструирующей технологией, которая способствовала значительной трансформации в общественном сознании компонентов образа Сибири и сибиряков, вплоть до их общей позитивной или негативной окраски.

Отметим, что в художественной литературе и научном дискурсе (прежде всего, областниками) особое внимание обращалось на конструирование именно *позитивного* эмоционального восприятия пространства Сибири. Так, К. Анисимов специально указывает на то, что в целях создания привлекательного восприятия сибирского климата в текстах областника Г.Н. Потанина доминируют такие признаки, как сухость, прозрачность, изобилие света, «буйство красок», в то время как звучание темы холода заметно приглуша-

ется [18. С. 16]. В качестве инструмента эмоционального воздействия на читателя используется также прием сравнения сибирского климата по тепло-прозрачности с альпийским. В письмах из Сибири, написанных американским путешественником Дж. Кеннаном в XIX в., можно прочесть следующие эмоционально окрашенные строки о сибирском пейзаже: «Пейзаж был, в каждой своей составляющей, отчетливо сибирским: удивительно ясный, прозрачный воздух; густой серый туман, нависающий над водной гладью залива; обширные заснеженные степи, простирающиеся от окраины леса до белых призрачных гор в отдалении; здесь и там – беспорядочное скопление собак и нарт между деревьями впереди. Все это составляло картину, подобную которой нельзя найти за пределами Северо-Восточной Азии» [19. С. 112]. В художественной прозе периода «оттепели», как известно, образ Сибири также прочно оказался связан с местом первозданной природы и деревни, местом естественного бытия духовно зрелых людей, для которых важны вопросы нравственно-этического плана.

Еще одним способом позитивного эмоционального реагирования на территорию Сибири как у самих ее жителей, так и у внешних наблюдателей является ее восприятие в качестве духовного центра, слабо затронутого процессами модернизации и глобализации. В таком типе дискурса (религиозного по содержанию) Сибирь представляет собой самостоятельную религиозную единицу, архипелаг сакральных мест. Территория Сибири осмысливается в терминах сакральной географии: упоминаются подвижники, «святые», чья деятельность оказалась связанной с Сибирью, выделяются древние памятники и святыни, о территории говорится в мессианском аспекте и т.п.

Близкий к религиозному образ Сибири (как истока духовных преобразований и духовного прозрения человека) широко был представлен, начиная с жития Аввакума, как в художественной литературе (В. Шишков. «Угрюм-река», Г.Д. Гребенщиков. «Чураевы»), так и в кинематографе («сибирская тематика» в фильмах С. Герасимова, А. Михалкова-Кончаловского, В. Шукшина, А. Дудорова). Хорошим современным примером репрезентации Сибири как особого религиозного центра является фильм известного режиссера Вернера Херцога «Колокола из глубины. Вера и суеверия в России» (1993) [20], в котором Сибирь репрезентируется как уникальная территория с массой редких религиозных практик. Данный фильм, получивший широкое признание за рубежом, сыграл серьезную роль в конструировании у западного зрителя эмоционального восприятия Сибири как особого религиозного пространства, источника некоего особого знания, за пределами рационального.

Отметим, что современные исследования в области *place attachment* обращают внимание и на значимость негативных эмоций при конструировании «чувства места» [21]. Территория проживания может выступать не «прибежищем, а местом насилия» [22. Р. 113], вызывать в памяти болезненные воспоминания, иметь «теневые стороны».

Так, в сибирской идентичности можно выделить уровень негативных и травматичных переживаний, связанных с определенными историческими периодами и событиями в развитии Сибири (коллективизация, раскулачивание, насильственное переселение и депортация народов, политическая ссылка, создание лагерей и тюрем, каторжный труд и т.п.). Для многих пересе-

ленцев, очутившихся в Сибири не по своей воле, Сибирь стала символом несвободы, заточения и репрессий. Характерно, что в художественную литературу Сибирь входит именно через тему ссылки, для которой были актуальны мотивы «гиблого места», «непосильного труда» и «инопространства» [23]. Для многих Сибирь стала эмоционально значимой территорией именно через драматические события, связанные с историей семьи, деятельностью предков, личным жизненным опытом, поскольку в памяти поколений сохранились воспоминания, воспринимаемые негативно, через травму [24]. При таком эмоциональном восприятии Сибирь представлялась и изображалась не только в массовом сознании, но и в литературных нарративах в ночной, мрачно-угрюмой цветовой гамме [25], как унылая и безрадостная «цивилизационная пустыня». Не случайно, как указывают исторические и литературоведческие исследования, мотив страдания стал одним из центральных в сибирском фольклоре и публицистике [26].

Отметим, что отношение к Сибири как «территории насилия» воспроизводится и в современном массовом сознании и научной литературе. Так, томские исследователи Е.Е. Дутчак, В.В. Кашпур отмечают, что фразы «Как вы там живете? У вас же одни зоны!» до сих пор приходится слушать жителям Томска – города со старыми университетскими традициями [27. С. 121]. Немецкий антрополог О. Хабек характеризует модель поведения в Сибири как «мачизм», которую отличают самоуверенность, соперничество, хвастливость, конфронтация, использование физической силы или угроз как средств решения конфликта и сознательное игнорирование социальных норм [28. С. 64]. В обыденном сознании, в котором «северное» и «сибирское» часто рассматриваются как содержательно однородные, бытуют представления о том, что северные города и поселки Сибири отличаются не только суровыми климатическими условиями, но и повышенной социальной напряженностью, вследствие чего эти места считаются потенциально опасными для посещения и проживания. Таким образом, эмоциональное восприятие Сибири как «окраины мира», «криминогенно неблагоприятной среды», где живут уголовные элементы, во многом сконструированное под влиянием беллетристики и публицистики XIX в., подкрепленное в обыденных массовых представлениях советской репрессивной политикой, оказывается устойчивым и в современных оценках сибирского региона.

В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод, что эмоциональная привязанность к Сибири имеет как положительные, так и отрицательные коннотации и зачастую нагружена созданными извне идеями, мифологическими, художественными, религиозными образами. Развитию чувства места в Сибири способствует, прежде всего, личный опыт жизни в Сибири, когда имеет место активное познание края, эмоциональная привязанность к нему, проживание на данной территории важных этапов личной биографии и осуществление определенной деятельности. «Чувство места» в Сибири наполняется разными значениями и смыслами для разных региональных субъектов. Для приезжающих с короткими визитами в Сибирь первостепенными оказываются эстетические критерии и «экзотические места», связанные с восприятием природных красот Сибири, а также экономические мотивы, ориентации, направленные на извлечение из региона прибыли. Сами жители

Сибири, проживающие длительное время на ее территории, сформировали довольно сложную систему значений и смыслов эмоциональной привязанности к своему месту, включающие как чувство гордости за историческое прошлое своего региона, любовь к своей земле и ее природе, так и чувство региональной социально-экономической ущемленности.

Литература

1. *Сибирский характер как ценность*. Т. 4 / под общ. ред. М.И. Шиловой; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2011.
2. Hidalgo, M., Hernandez, B. Place attachment: Conceptual and empirical questions // *Journal of Environmental Psychology*, 21, 2001. P. 273–281.
3. Twigger-Ross, C.L., Uzzell, D.L. Place and identity processes, *Journal of Environmental Psychology*, 16, 1996. P. 205–220.
4. Hay, B. Sense of place in developmental context, *Journal of Environmental Psychology*, 18, 1998. P. 5–29.
5. Martin, Angela. The Practice of Identity and an Irish Sense of Place, *Gender, Place and Culture*, 4 (1). 1997. P. 89–114.
6. Charton-Vachet, F., Lombart C. New conceptual and operational approach to the link between individual and region: Regional belonging, *Recherche et Applications en Marketing*. Vol. 30 (1). 2015. P. 50–75.
7. Ardoin N. Toward an Interdisciplinary Understanding of Place: Lessons for Environmental Education ... P. 119; Cary W. de Wit. Interviewing for Sense of Place. *Journal of Cultural Geography*, 2013. Vol. 30, No. 1. P. 120–144.
8. Massey, Doreen. Space, Place and Gender. Cambridge: Polity Press 1994.
9. Ingold T. The Temporality of the Landscape, *World Archaeology*. 1993. Vol. 25, № 2.
10. Saxinger, Gertrude. "To you, to us, to oil and gas" – The symbolic and socio-economic attachment of the workforce to oil, gas and its spaces of extraction in the Yamal-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Districts in Russia. *Fennia* 193: 1 2015. P. 83–98.
11. Stokols, D., Shumaker, S.A. People in places: A transactional view of settings // J.H. Harvey (Ed.), *Cognition, social behavior and the environment*. Hillside, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1981.
12. Hester, R. Sacred structures and everyday life: a return to manteeo, north carolina. // D. Seamon (Ed.), *Dwelling, seeing and designing: toward a phenomenological ecology* (pp. 271–298). NY: State University of New York Press. 1993. P. 271–298.
13. Habeck, J.O. Dimensions of identity. // Erich Kasten (ed), *Rebuilding identities: Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Reimer, 2005. P. 9–21.
14. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Социологический анализ биографических нарративов как способ изучения механизмов формирования сибирской региональной идентичности // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014. № 2. С. 44–55.
15. Водичев Е.Г. Сибирь в перекрестье идентичностей // *Евразия: Региональные перспективы*. Новосибирск, 2007.
16. Dixon, J., Durrheim, K. Displacing place identity: A discursive approach to locating self and other, *British Journal of Social Psychology*, 39, 2001. P. 27–44.
17. Manzo, L. Relationships to non-residential places: Towards a reconceptualization of attachment to place. Unpublished PhD.Dissertation, The Graduate School and University Center of the City University of New York, 1994.
18. Анисимов К. Климат как «закоснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза. URL: <http://astafiev.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/05/3Anisimov-K.V.-statya-v-NLO.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).
19. Смут-Путер С. Сибирские письма Джорджа Кеннана-Старшего, 1866-1867 // *Сибирские исторические исследования*. 2016. №3. С. 105–134.
20. Sitnikova A.A. The Image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's Documentary Films // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 4 (2015 8). P. 677–706.
21. McDowell, B. Gender, identity and place: understanding feminist geographies. Minnesota: University of Minnesota Press, 1999.

22. Altman, I., Low, S. Human behavior and environments: advances in theory and research. Vol. 12: Place Attachment. New York: Plenum Press, 1992.
23. Анисимов К.В. Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2002. С. 20–30.
24. Логунова Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 126–136.
25. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы // Сиб. филол. журн. 2002. № 1. С. 29–30.
26. Панарина Д.С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 39–52.
27. Дутчак Е.Е., Капустин В.В. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Обществ. науки и современность. 2013. № 4. С. 116–129.
28. Хабек Й.О. Гендер, «культура», северные просторы // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 59–68.

Golovneva Elena V. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2017, № 28, pp. 17–26.

DOI: 10.17223/22220836/28/2

«PLACE ATTACHMENT IN SIBERIA»: THE EMOTIONAL COMPONENT IN THE STRUCTURE OF SIBERIAN IDENTITY

Key words: emotions, Siberian identity, place attachment, construction, Siberia.

The article seeks to explore in the terms of Sociology, Philosophy and Cultural Studies a content of the emotional component in the structure of Siberian identity. The aim of research is to analyze the “sense of place” in Siberia among the Siberian residents and the non-Siberian observers. Author examines two parts of the emotional perception of Siberia: the place attachment and timing Siberia as a resource. Article argues, that personal life experience in region as well as shared ideas and mythological and art constructs shape the place attachment in Siberia. Author came to conclusion, that the sense of place in Siberia is rather different among the Siberians. The aesthetic criteria of Siberia, its nature diversity and “exotic places” as well as economic motives and orientations are more relevant for non-Siberian observers, tourists and migrants. The place attachment of the Siberians residents is found to be inherently unstable and dualist: it includes the sense of local pride for the common past of the region, its nature and territory as well as sense of socioeconomic disparity.

References

1. Shilova, M.I. (ed.) (2011) *Sibirskiy kharakter kak tsennost'* [Siberian character as a value]. Vol. 4. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
2. Hidalgo, M. & Hernandez, B. (2001) Place attachment: Conceptual and empirical questions. *Journal of Environmental Psychology*. 21. pp. 273–281. DOI: 10.1006/jevp.2001.0221
3. Twigger-Ross, C.L. & Uzzell, D.L. (1998) Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*. 16. pp. 205–220. DOI: 10.1006/jevp.1996.0017
4. Hay, B. (1998) Sense of place in developmental context. *Journal of Environmental Psychology*. 18. pp. 5–29. DOI: 10.1006/jevp.1997.0060
5. Martin, A. (1997) The Practice of Identity and an Irish Sense of Place. *Gender, Place and Culture*. 4(1). pp. 89–114. DOI: 10.1080/09663699725512
6. Charton-Vachet, F. & Lombart, C. (2015) New conceptual and operational approach to the link between individual and region: Regional belonging. *Recherche et Applications en Marketing*. 30(1). pp. 50–75. DOI: 10.1177/2051570714564540
7. Ardoin, N. (2006) Toward an Interdisciplinary Understanding of Place: Lessons for Environmental Education. *Canadian Journal of Environmental Education*. 11(1). pp. 119.
8. Massey, D. (1994) *Space, Place and Gender*. Cambridge: Polity Press.
9. Ingold, T. (1993) The temporality of the landscape. *World Archaeology*. 25(2).
10. Saxinger, G. (2015) “To you, to us, to oil and gas” – The symbolic and socio-economic attachment of the workforce to oil, gas and its spaces of extraction in the Yamal-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Districts in Russia. *Fennia*. 193(1). pp. 83–98.
11. Stokols, D. & Shumaker, S.A. (1981) People in places: A transactional view of settings. In: Harvey, J.H. (ed.) *Cognition, social behavior and the environment*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

12. Hester, R. (1993) Sacred structures and everyday life: a return to manteo, north carolina. In: Seamon, D. (ed.) *Dwelling, seeing and designing: toward a phenomenological ecology*. New York: State University of New York Press. pp. 271–298.
13. Habeck, J.O. (2005) Dimensions of identity. In: Kasten, E. (ed.) *Rebuilding identities: Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Reimer. pp. 9–21.
14. Anisimova, A.A. & Echevskaya, O.G. (2014) Sociological analysis of biographical interviews as a method of studying the mechanisms of regional Siberian identity formation. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 2. pp.44–55. (In Russian).
15. Vodichev, E.G. (2007) Sibir' v perekrest'e identichnostey [Siberia in the crossroads of identities]. In: Vodichev, E.G. (ed.) *Evraziya: Regional'nye perspektivy* [Eurasia: Regional prospects]. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe Izdatel'stvo.
16. Dixon, J. & Durrheim, K. (2001) Displacing place identity: A discursive approach to locating self and other. *British Journal of Social Psychology*. 39. pp. 27–44. DOI: 10.1348/014466600164318
17. Manzo, L. (1994) *Relationships to non-residential places: Towards a reconceptualization of attachment to place*. Unpublished PhD.Dissertation. The Graduate School and University Centre of the City University of New York.
18. Anisimov, K. (2013) Klimat kak “zakosnelyy separatist”. Simvolicheskie i politicheskie metamorfozy sibirskogo morozha [The climate as “an uncouth separatist”. Symbolic and political metamorphosis of the Siberian frost]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 99. [Online] Available from: <http://astafiev.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/05/3Anisimov-K.V.-statya-v-NLO.pdf>. (Accessed: 15th November 2016).
19. Smith-Peter, S. (2016) The Siberian letters of George Kennan the Elder, 1866-1867 (Translated into Russian by Elena Karageorgii). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 3. pp.105–134. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/13/5
20. Sitnikova, A.A. (2015) The Image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's Documentary Films. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 8(4). pp. 677–706. (In Russian).
21. McDowell, B. (1999) *Gender, identity and place: understanding feminist geographies*. Minnesota: University of Minnesota Press.
22. Altman, I. & Low, S. (1992) *Human behaviour and environments: Advances in theory and research*. Vol. 12. New York: Plenum Press.
23. Anisimov, K.V. (2002) Puteshestvie: k voprosu o zhanrovoy sostavlyayushchey sibirskogo teksta [Journey: to the question of the genre component of the Siberian text]. In: Kazarkin, A.P. (ed.) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian text in Russian culture]. Tomsk: Tomsk State University. pp.20–30.
24. Logunova, L.Yu. (2009) Vliyanie istoricheskoy travmy na semeyno-rodovuyu pamyat' sibir'yakov [The influence of historical trauma on the family-tribal memory of Siberians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 126–136.
25. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o sibirskom tekste russkoy literatury [Mythology of Siberia: to the question of the Siberian text of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp.29–30.
26. Panarina, D.S. (2013) Mify i obrazy sibirskogo frontira [Myths and images of the Siberian frontier]. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*. 2(1). pp. 39–52.
27. Dutchak, E.E. & Kashpur, V.V. (2013) “Russkiy sibiryak”, ili Paradoksy regional'noy identifikatsii [“Russian Siberians”, or paradoxes of regional identity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 116–129.
28. Khabek, Y.O. (2006) Gender, “kul'tura”, severnye prostory [Gender, “culture”, northern expanses]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 59–68.